

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ РОССИИ И СТРАН БАЛТИИ ВСЛЕДСТВИЕ ЭФФЕКТОВ ПАНДЕМИИ COVID-19: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ю. В. Симачев¹

А. А. Федюнина¹

Ю. В. Аверьянова²

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Россия, Москва, Покровский б-р, 11

² Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
194100, Россия, Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, 3, корп.1, лит. А

Поступила в редакцию 12.08.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-7

© Симачев Ю.В., Федюнина А.А.,
Аверьянова Ю.В., 2020

Россия и страны Балтии исторически являются внешнеэкономическими партнерами, однако на современном этапе внешнеэкономические взаимоотношения характеризуются как довольно напряженные, международная торговля слабо развивается и не способствует задачам развития обеих сторон. В отличие от динамики традиционной международной торговли торговля стран Балтии и России внутри глобальных цепочек создания стоимости и деятельности многонациональных компаний существенно более устойчива к геополитическим и экономическим шокам. В частности, присоединение Эстонии, Латвии и Литвы к ЕС и НАТО в 2004 году, введение взаимных санкций ЕС и Россией в 2014 году не оказали значимого влияния на сжатие цепочек создания стоимости между Россией и странами Балтии. Выделены факторы трансформации цепочек создания стоимости России и стран Балтии в результате последствий пандемии COVID-19. Цель статьи — обосновать регионализацию как перспективу трансформации глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии. Показано, что регионализация цепочек в среднесрочной перспективе возможна: (1) как отражение глобальных трендов трансформации цепочек в традиционных отраслях специализации России и стран Балтии; (2) как решение долгосрочных структурных вызовов России и стран Балтии по созданию нового слоя конкурентоспособных на международном уровне фирм; (3) как результат ответа компаний на вызовы пандемии в условиях устойчивых исторически сложившихся отношений; (4) как следствие сохранения сильных социальных контактов и результат действия «мягкой силы». Отмечается, что драйверами регионализации цепочек могут стать инициативы отдельных компаний и региональных (местных) правительств в сочетании с расширением практики приграничного сотрудничества отдельных регионов России и стран Балтии. В заключении обсуждаются следствия для политики России и стран Балтии, которые будут способствовать лучшему использованию положительных эффектов от регионализации глобальных цепочек между всеми сторонами.

Ключевые слова:

глобальные цепочки создания стоимости, страны Балтии, Россия, пандемия, COVID-19

Для цитирования: Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Аверьянова Ю.В. Трансформация глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии вследствие эффектов пандемии COVID-19: перспективы регионализации и следствия для экономической политики // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 128–146. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-7.

Введение

Глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) оказались в центре обсуждения перспектив мировой экономики с первых дней распространения кризиса, вызванного пандемией COVID-19 [1]. Вынужденная приостановка производств в Китае в целях противоэпидемических мер создала проблемы устойчивости поставок, отразившиеся на европейских и американских компаниях, что было названо «заражением через цепочки поставок» [1]. Вместе с тем обсуждение трансформации глобальных цепочек и следствия для глобального производства находились в повестке обсуждения еще задолго до начала пандемии¹ [2; 3]. Шоки, связанные с распространением пандемии COVID-19, стали, таким образом, своеобразным катализатором для трансформации ГЦСС.

Если в недавно опубликованной литературе отмечалось, что подверженность внешним шокам характерна для малых стран с высокой интенсивностью участия во внешней торговле², то в более поздних исследованиях отмечается, что зависимость от внешних шоков в большей степени свойственна странам, интенсивно вовлеченным в ГЦСС независимо от их размера [4]. К таким странам относятся, с одной стороны, страны Балтии — Эстония, Латвия и Литва (с их малыми открытыми экономиками), для которых догоняющее развитие во многом оказалась связано с трансформацией позиционирования в глобальном производстве [5, р. 32—33; 6, р. 23—24; 7, р. 26—31]. С другой стороны, к странам, подверженным внешним шокам, следует отнести Россию с большой ресурсоориентированной экономикой, в которой до сих пор сохраняются проблемы трансформационного периода и ограниченности экспортной корзины с точки зрения товаров обрабатывающей промышленности высоких переделов [8, с. 10—12]. Несмотря на различия в размерах экономик, ресурсообеспеченности и структурные особенности, для стран Балтии и России сохраняются общие вызовы в контексте интеграции в глобальное производство — небольшой удельный вес фирм, работающих на внешних рынках, низкая доля фирм, являющихся технологическими лидерами, невысокая производительность и необходимость репозиционирования в глобальных цепочках. Близкие внешнеэкономические взаимоотношения стран Балтии и России оказались унаследованы еще со времен Советского Союза, однако на протяжении последних трех десятилетий политические отношения стран переживали сложные времена, при этом внешнеэкономическое сотрудничество не способствовало решению общих вызовов трансформации и репозиционирования в глобальном производстве.

Цель данной статьи — обсуждение перспектив трансформации ГЦСС России и стран Балтии и выявление факторов, способствующих этой трансформации, на современном этапе с учетом накапливающихся вызовов, катализатором которых стала пандемия COVID-19. Авторы показывают, почему регионализация глобальных цепочек создания стоимости³ как следствие пандемии COVID-19 может рассматриваться как «окно возможностей» для трансформации внешнеэкономического сотрудничества России и стран Балтии, и обсуждают следствия для российской экономической политики, направленные на поддержку регионализации цепочек и расширение сотрудничества со странами Балтии.

¹ *UNCTAD World Investment Report 2020: International Production Beyond the Pandemic*. N.Y.; Geneva, 2020. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf (дата обращения 05.08.2020).

² *The World Bank Small States: Meeting Challenges in the Global Economy*. Report of the Commonwealth Secretariat// World Bank Joint Task Force on Small States, 2000. URL: <http://www.cpaq.org/cpaq/cpadocs/meetingchallengeinglobaleconomy1.pdf> (дата обращения 05.08.2020).

³ Под регионализацией цепочек создания стоимости в данной статье авторы понимают географическую переориентацию цепочек создания стоимости с глобальных рынков на макрорегиональные рынки, в том числе замещение глобальных поставщиков и покупателей контрагентами из домашнего макрорегиона, поиск сетей поставщиков и сетей покупателей на рынках соседних стран.

Особенности ГЦСС России и стран Балтии обсуждаются авторами с использованием современных методов анализа, характерных для исследований в области международной и региональной экономики, в том числе с основой на статистическом анализе данных проектов EORA-GVC Database, TiVA OECD, AMNE OECD, которые позволяют оценить структурные особенности цепочек создания стоимости России и стран Балтии, а также специфику деятельности многонациональных компаний России и стран Балтии в принимающих экономиках.

Особенности глобальных цепочек создания стоимости между Россией и странами Балтии

Страны Балтии активно включены в глобальные цепочки создания стоимости, имеют вертикально и географически фрагментированное производство, которое ориентировано преимущественно на соседние рынки [5, р. 27—28; 9, р. 5—9; 10, р. 9—10]. Несмотря на сохраняющееся отставание в уровне развития от ряда стран внутри Балтийского региона, следует отметить, что способ интеграции Эстонии, Литвы и Латвии в ГЦСС в целом соответствует их странам-соседям: Германии, Швеции, Финляндии, Польше (рис. 1). Это определяется, с одной стороны, схожим уровнем нисходящих связей⁴ — зависимости экспортоориентированных производств от импортных компонентов и полуфабрикатов (в среднем для стран Балтийского региона⁵ — 25,3%, для стран Балтии — 27,0%), а также схожим уровнем восходящих связей⁶ — использованием экспортной добавленной стоимости в производстве третьих стран: для стран Балтийского региона — 19,6%, для стран Балтии — 17,5.

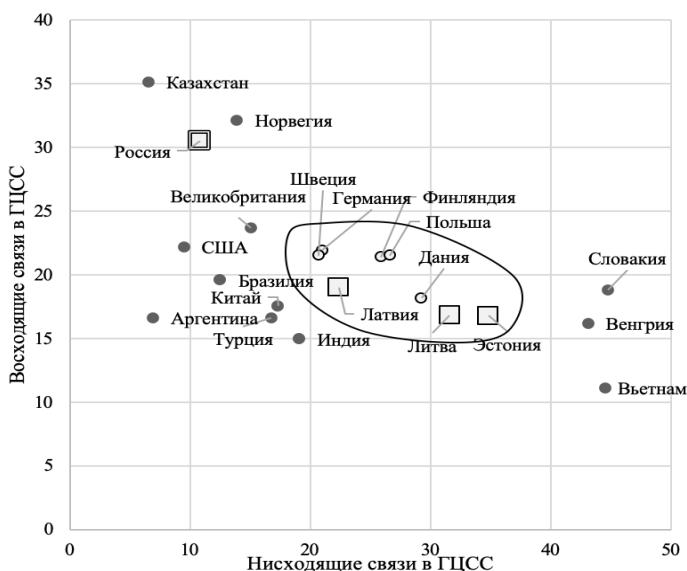

Рис. 1. Позиционирование стран России и стран Балтии в глобальных цепочках создания стоимости, 2015 год

Примечание: использованы данные за последний имеющийся год.

Источник: расчеты авторов, данные TiVA OECD.

⁴ Нисходящие связи — иностранная добавленная стоимость, используемая в валовом экспорте страны, % от валового экспорта страны.

⁵ Восходящие связи — внутренняя добавленная стоимость, созданная в стране, используемая в валовом экспорте третьих стран, % от валового экспорта страны.

⁶ В данной статье в целях проведения сравнительного анализа под странами Балтийского региона понимаются Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Латвия, Литва, Польша, Швеция.

Россия, напротив, находится несколько в стороне (на «периферии») по характеру участия в глобальных цепочках создания стоимости [8, с. 7—8]: от стран Балтийского региона отличается, с одной стороны, слишком короткими нисходящими связями — 10,8 против 25,3%, а с другой — слишком длинными восходящими связями — 30,5 против 19,6%.

Внешнеэкономическое сотрудничество России и стран Балтии за последние десятилетия переживало несколько этапов, во многом определенных напряженными политическими отношениями, что в существенной степени сформировало текущий характер взаимодействия. Страны Балтии были активно интегрированы в экономическое пространство СССР до выхода из Советского Союза в 1990 году [11, с. 88—89; 12, р. 10—11]. Период 1990-х — середины 2000-х годов отличался переориентацией интересов внешнеэкономического сотрудничества стран Балтии с России на Западную Европу, что оказалось связано прежде всего с формированием новых внешнеторговых партнерств и поиском новых рынков (на ранних этапах) и в дальнейшем — с подготовительным этапом к вступлению стран Балтии в ЕС в 2004 году. Так, если в 1991 году свыше 45% совокупного импорта Эстонии, Латвии и Литвы было российского происхождения [13, с. 38], то уже к началу 2000-х годов доля России в импорте Латвии составляла 11%, Эстонии — 14%, Литвы — 27,4%. Вместе с тем в ряде исследований отмечается медленная переориентация взаимной внешней торговли бывших советских территорий и сохранение сформировавшихся в советское время связей, что объясняется рядом причин, среди которых — инерционность инфраструктуры в широком смысле (включая автомобильные и железные дороги, телекоммуникационные сети, логистических операторов, бизнес-сообщества) на другие рынки, относительно низкая конкурентоспособность этих экономик в сравнении со Скандинавскими странами и Германией, а также наличие исторически сформированных межфирменных связей [14, р. 88—89; 15, р. 9—10; 16, р. 37—38]. Высокая значимость «колониальных связей» как фактор международной торговли широко подтверждалась в ряде других исследований не только на данных стран Советского Союза, но также и бывшей Австро-Венгерской империи, Британской Малайи, Чехословакии [15; 17, р. 92—93].

Медленный темп переориентации внешней торговли стран Балтии на рынки стран ЕС также может быть объяснен высокой значимостью исторически сложившихся связей и для самих стран ЕС. Так, отмечается, что страны-основатели Евросоюза прежде всего ориентировались на создание интегрированного внутреннего рынка и в приоритетном порядке поддерживали взаимные торговые связи, в том числе и по сравнению со странами, присоединившимися к ЕС позже [18, р. 1339—1349].

До 2004 года многие наблюдатели отмечали, что присоединение стран Балтии к ЕС и НАТО поможет реструктуризации исторически напряженных взаимоотношений с Россией. Однако европеизация не способствовала позитивному сценарию [19, р. 1]. С 2004 года политика стран Балтии во взаимоотношениях с Россией определяется прежде всего общей внешнеэкономической политикой стран ЕС, а также политикой приграничного сотрудничества [13, с. 37; 12, р. 10]. Для стран Балтии присоединение к ЕС хотя и определило *de jure* основания для расширения международной торговли с Россией, *de facto* изменений не произошло. Период некоторого расширения взаимной торговли стран Балтии и России в 2004—2008 годах после наступления мирового финансово-экономического кризиса сменился периодом охлаждения двусторонних отношений.

Украинский кризис 2014 года привел к введению взаимных экономических санкций между Россией и странами Балтии и определил дальнейшее охлаждение внешнеэкономических отношений. Страны Балтии выступили в качестве основных сторонников введения санкций по отношению к России. Это, в частности, привело к более значимому сокращению объемов взаимной торговли по сравнению с другими странами ЕС [20, р. 1504—1505].

Изменение общей рамки для взаимоотношений между странами Балтии и России и связанные эффекты «trade diversion» [12, р. 10; 13, с. 36—37] в переориентации внешней торговли на страны ЕС оказались слабо связаны с кооперационными взаимоотношениями внутри ГЦСС. Объемы импорта странами Балтии добавленной стоимости из России в целях последующего экспорта постепенно нарастали с 2000 по 2019 год, увеличившись к концу периода в 10,4 раза с учетом этапа спада в результате мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов и введения режима взаимных санкций. Более чем десятикратный рост был обеспечен, прежде всего, ростом импорта энергоресурсов (в 18,5 раз) для потребления экспортоориентированных отраслей стран Балтии, а также продукции сектора АПК (в 9,9 раза), химической и металлургической промышленности (в 8,9 и 8,5 раза соответственно) (рис. 2).

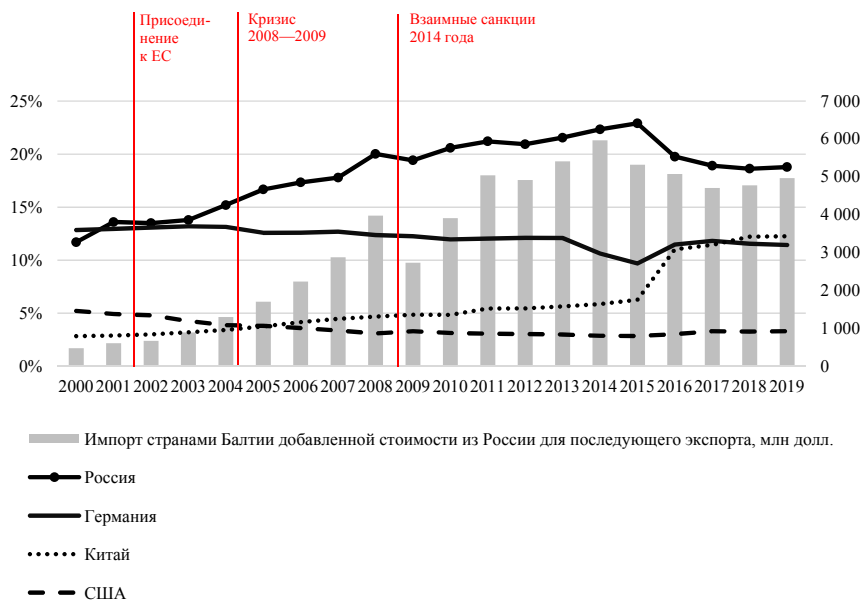

Рис. 2. Участие стран Балтии в нисходящих связях ГЦСС: левая ось — доля добавленной стоимости из России, США, Германии и Китая в импорте стран Балтии для последующего экспорта, 2000—2019 годы; правая ось — добавленная стоимость из России в импорте стран Балтии для последующего экспорта, млн долл.

Примечание: данные по трем глобальным хамам ГЦСС — Китаю, Германии и США — даны для сравнения.

Источник: расчеты авторов, данные EORA-GVC Database, World Bank.

Россия также наращивала объемы импортной добавленной стоимости из стран Балтии внутри ГЦСС, которая в абсолютной стоимости выросла в 2000—2019 годах в 7,4 раза, однако этот эффект был связан с общим увеличением импортной добавленной стоимости и в относительном измерении не привел к росту значимости для России стран Балтии как партнеров в рамках нисходящих глобальных цепочек создания стоимости (рис. 3).

Отметим отдельно, что введение взаимных санкций в 2014 году оказало умеренное воздействие на объемы торговли. Отсутствие резкого спада поддержало разрешение на сохранение внешней торговли продукцией, подпадающей под санкции, но договоры по которой были заключены до периода их введения [21, р. 13].

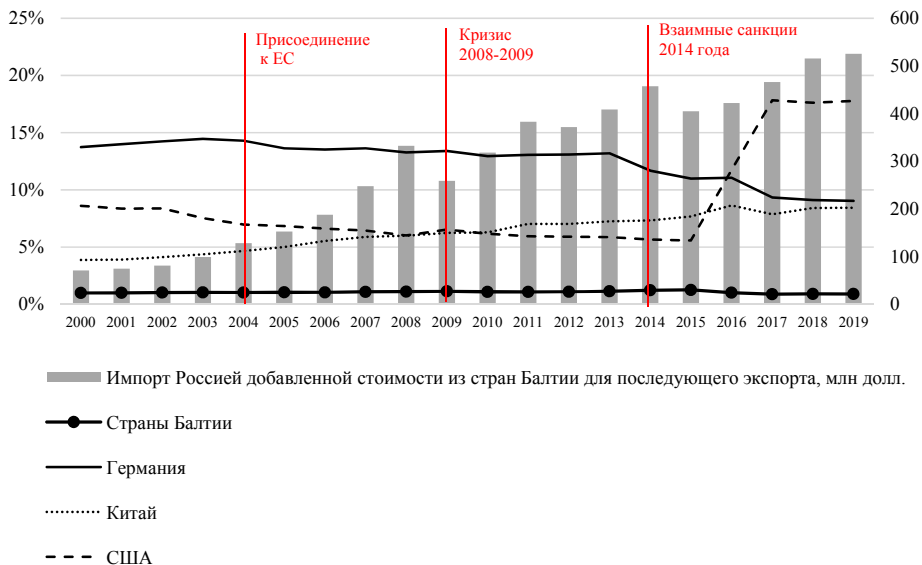

Рис. 3. Участие России в нисходящих связях ГЦСС:
 левая ось — доля добавленной стоимости из стран Балтии, США, Германии и Китая
 в импорте России для последующего экспорта, 2000—2019 годы, %;
 правая ось — добавленная стоимость из стран Балтии в импорте России
 для последующего экспорта, млн долл.

Примечание: данные по трем глобальным хамам ГЦСС — Китаю, Германии и США — даны для сравнения.

Источник: расчеты авторов, данные EORA-GVC Database, World Bank.

Кроме того, на общем фоне импорт России снизился даже из тех стран, которые не устанавливали санкции. Как представляется, это стало следствием эффекта удешевления курса рубля и, соответственно, удорожания импорта, что соответствует и результатам исследований [22, р. 307]. Отсутствие ярко выраженной переориентации со стран, установивших санкции, на другие страны может также быть свидетельством того, что в реальности (по крайней мере, в 2015—2019 годах) не произошло замещения торговых каналов. Хотя есть отдельные свидетельства смещения каналов поставок (например, реэкспорт из Беларуси товаров, попавших под торговое эмбарго России, в том числе фруктов и креветок [23, р. 6—8]), это не меняет общего вывода о том, что российский экспорт сократился по всем направлениям [21, р. 13].

Таким образом, полученные результаты в целом свидетельствуют об устойчивости двусторонних кооперационных экономических взаимоотношений к геополитическим шокам и существенно большей (по сравнению с традиционной международной торговлей) устойчивости к экономическим шокам.

Как представляется, такая устойчивость объясняется двумя факторами: отраслевыми и организационными (через многонациональные компании (МНК)) особенностями организации ГЦСС.

С учетом значимых межстрановых различий в обеспеченности ресурсами и отраслевой структуре Эстонии, Латвии и Литвы экономическое сотрудничество России и стран Балтии внутри ГЦСС развивалось на основе двусторонних экономических интересов в отраслях со сравнительным преимуществом. В результате отраслевая структура взаимной торговли России и стран Балтии внутри глобальных цепочек создания стоимости значительно отличается от товарной структуры традици-

онной, не включенной в цепочки, торговли товарами, которая, во многом, опирается на наследство советских экономических связей. В российском товарном импорте из стран Балтии преобладает продукция электрического и энергетического машиностроения и оборудования (около 40%), а в импорте стран Балтии из России — нефть и нефтепродукты (около 65%). Отраслевая структура торговли России и стран Балтии в рамках ГЦСС отличается существенно более высоким уровнем диверсификации и хорошо отражает сервисизацию отраслей обрабатывающего комплекса в ГЦСС (участие услуг в производстве и внешней торговле товарами) [24, р. 2—3]. В импорте стран Балтии из России внутри цепочек по-прежнему значимую долю занимают нефть и нефтепродукты (47%), однако еще 27% приходится на торговлю услугами, в том числе оптовую торговлю и транспортные услуги (совокупно 23,2%), а также бизнес-услуги, требующие высокого уровня человеческого капитала⁷ (3,8%). В импорте России из стран Балтии внутри цепочек доля услуг еще выше (40,4%), в том числе торговля и транспортные услуги — 23,9%, а также услуги, требующие труда высокой квалификации, — 8,4% (рис. 4). Высокий вклад сектора услуг в экспорте стран Балтии отражает в целом более высокую ориентацию этих стран на торговлю услугами [25, р. 293—294].

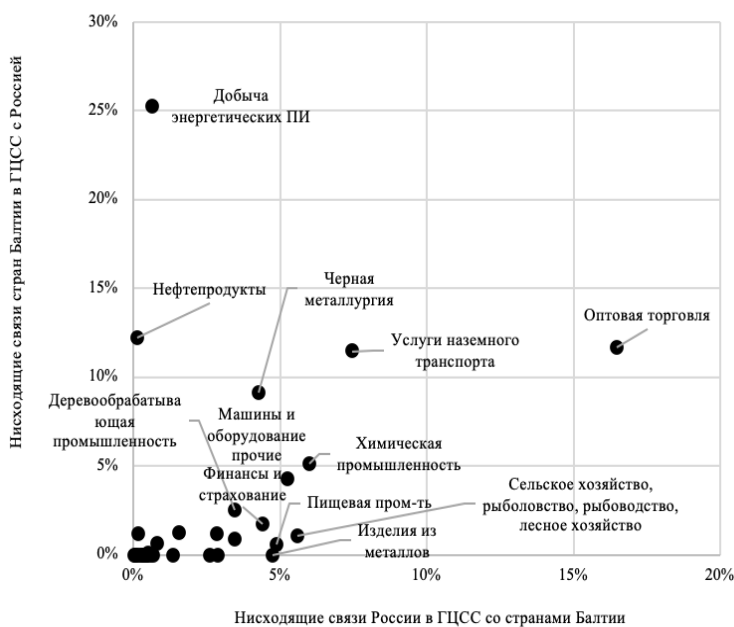

Рис. 4. Взаимная торговля добавленной стоимостью в ГЦСС между Россией и странами Балтии по отдельным товарным группам, 2015 год, %

Примечание: Нисходящие связи стран Балтии в ГЦСС с Россией — добавленная стоимость отрасли, созданная в России и использованная в экспорте стран Балтии, % от валового импорта добавленной стоимости из России для использования в экспорте стран Балтии; нисходящие связи России в ГЦСС со странами Балтии — добавленная стоимость отрасли, созданная в странах Балтии и использованная в экспорте России, % от валового импорта добавленной стоимости из стран Балтии для использования в экспорте России.

Источник: расчеты авторов, данные TiVA OECD.

⁷ Включая научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, услуги в области ИКТ, услуги в области финансов и страхования.

С точки зрения прироста добавленной стоимости в глобальных цепочках России и стран Балтии в 2000—2017 годах выделяются прежде всего услуги, которые напрямую не связаны с промышленным производством. Это является свидетельством расширения сотрудничества обеих сторон в непромышленном секторе, косвенным свидетельством нарастания роли «мягкой силы» в экономическом сотрудничестве. Так, в 2000—2017 годах добавленная стоимость из стран Балтии в Россию в сфере образования выросла в 14,4 раза, в сфере услуг в области здравоохранения и социальных услуг — в 11,7 раза, в сфере услуг в области недвижимости — в 9,2 раз; импорт добавленной стоимости из России в страны Балтии вырос в сфере образования в 22,4 раза, услуг по недвижимости — в 14,2 раза. Высокие темпы роста во взаимной торговле добавленной стоимостью в секторе услуг населению показывают, что формирование промышленных связей между странами во многом связано с двунаправленным движением населения между Россией и странами Балтии, а также с присутствием национальных диаспор.

Как представляется, высокий уровень сервисизации торговли внутри ГЦСС России и стран Балтии выступает фактором, который определяет существенно меньшую волатильность торговли добавленной стоимостью от геополитических и экономических шоков и в то же время является точкой роста для трансформации цепочек в регионе и роста удельной добавленной стоимости.

Глобальные цепочки создания стоимости часто организованы в результате деятельности многонациональных компаний⁸. Действительно, МНК вовлечены в международное производство через горизонтальные (внутри одной отрасли) и вертикальные (в связанных отраслях) инвестиционные проекты, а также развивают взаимодействие с независимыми компаниями за рубежом посредством других типов промышленной кооперации (контрактного производства, франчайзинга, лицензирования). Таким образом, границы многонациональных компаний и глобальных цепочек создания стоимости во многом пересекаются, однако совпадают не полностью [26, с. 54—55]. Наши оценки показывают, что степень присутствия российских многонациональных компаний на рынках стран Эстонии, Латвии и Литвы, равно как и МНК стран Балтии на российском рынке, в последние два десятилетия несколько менялась. Введение взаимных санкций в 2014 году не оказало значимого влияния на изменение рыночных позиций МНК обеих сторон (рис. 5). Так, в 2005—2016 годах доля российских МНК на рынке Эстонии составляла в среднем 1,6%, на рынке Литвы — 7,3%, Латвии — 4,9%; доля МНК стран Балтии в валовом выпуске многонациональных компаний России — 0,6%. Можно отметить структурные изменения в составе МНК принимающих экономик в 2005—2016 годах, что также стало результатом использования компаниями сравнительных преимуществ на рынках стран-партнеров. Среди МНК стран Балтии значимо диверсифицировалась структура выпуска МНК Эстонии в России — появились предприятия в пищевой промышленности, производстве стройматериалов, бумаги и бумажных изделий, мебели, сократился вклад МНК в отрасли услуг по транспортировке и хранению. Российские МНК диверсифицировали представленность в Латвии, в том числе появились проекты в сфере гостиничной, финансовой и страховой деятельности, телекоммуникационных технологий.

⁸ *OECD Multinational enterprises in the global economy. Heavily debated but hardly measured*. P., 2018. URL: <https://www.oecd.org/industry/ind/MNEs-in-the-global-economy-policy-note.pdf> (дата обращения: 05.08.2020).

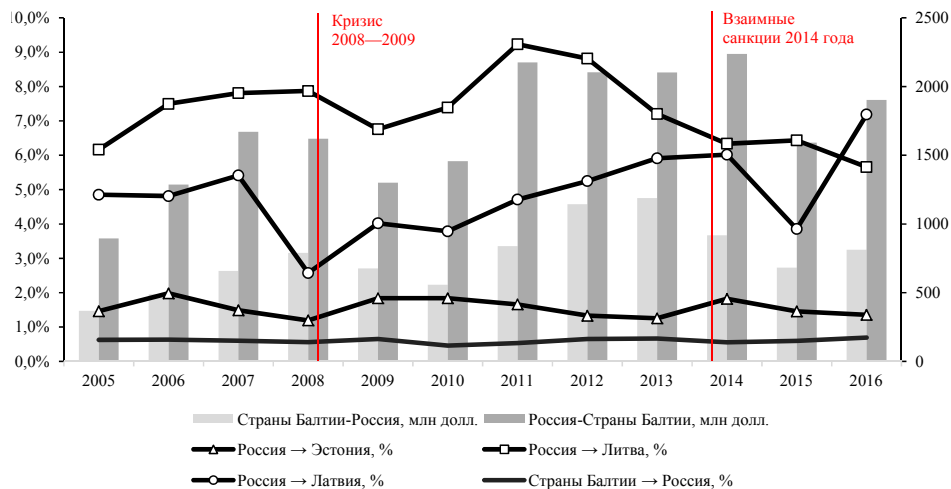

Рис. 5. Вклад МНК в валовой выпуск многонациональных компаний в принимающей экономике, Россия — страны Балтии, 2005—2016 годы, %

Примечание: период анализа ограничен доступностью данных в базе AMNE OECD.

Источник: расчеты авторов, данные базы AMNE OECD.

Полученные оценки позволяют заключить, что деятельность МНК также в большей степени по сравнению с внешней торговлей устойчива к геополитическим и экономическим шокам. При этом отсутствие каких-либо выраженных трендов этой в деятельности на рынках стран Балтии и России, вероятно, следует связывать с тем, что действия МНК были определены собственными инвестиционными стратегиями развития компаний обеих сторон в условиях отсутствия как ярко выраженной поддержки принимающих экономик в таких инвестициях, так и, в более поздний период, напротив, нарастанием протекционистских мер и напряженности во внешнеэкономическом сотрудничестве. Это в целом соответствует другим выводам о взаимоотношениях стран Балтии и России (напр., [27, р. 1277—1278]), когда отмечается, что взаимные инвестиционные потоки стран Балтии и России синхронизированы в рамках экономических циклов стран-партнеров, следовательно, эффекты изменений в международной торговле транслируются на результаты инвестиционных потоков только через призму инвестиционных циклов.

Перспективы трансформации глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии

К началу 2020 года внешнеэкономические отношения стран Балтии и России находились в сохранении режима взаимных санкций в результате украинского конфликта. Хотя в академической литературе и внешнеполитической повестке вопрос потепления отношений России и ЕС затрагивался в последнее время нечасто, ряд экспертов отмечали, что производители в Эстонии, Латвии и Литве крайне осторожно относятся к перспективам расширения внешнеэкономических контактов с Россией и рассчитывают прежде всего на другие зарубежные рынки [12, р. 10—11; 28; 29]. В российской литературе среди наиболее перспективных для российских предприятий выделялись рынки стран ЕАЭС, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Африки, что может косвенно свидетельствовать об отсутствии видимых перспектив для расширения сотрудничества с западными рынками [30, с. 46].

Как представляется, экономический кризис, вызванный последствиями пандемии COVID-19, может выступить тем шоком, который поменяет настроения обеих сторон и будет способствовать трансформации глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии.

Одним из возможных долгосрочных эффектов пандемии COVID-19 станет изменение воспринимаемого компаниями и населением уровня неопределенности. В целях снижения рисков внутри цепочек будет усилена координация между их отдельными звеньями. Как следствие, одним из предполагаемых результатов трансформации ГЦСС станет регионализация цепочек создания стоимости [3]. Это может стать результатом как выхода МНК из глобальных цепочек и выстраивания собственных цепочек на региональном уровне, так и перемещения имеющихся мощностей в домашний по отношению к расположению МНК регион. Одновременно может произойти формирование новых многонациональных корпораций, которые вследствие масштаба окажутся более подготовленными к рискам и шокам в рамках глобального производства. Повышение воспринимаемого уровня рисков для населения может определить рост интереса к соседним территориям (и фактически это уже наблюдается), стремление вести деятельность и получать услуги на ближайших территориях (на расстоянии «вытянутой руки»).

Мы выделяем несколько аргументов того, почему регионализация ГЦСС как следствие пандемии COVID-19 может трансформировать внешнеэкономическое сотрудничество России и стран Балтии.

1. Как показал проведенный анализ, цепочки добавленной стоимости между Россией и странами Балтии преимущественно организованы в отраслях с интенсивным использованием локального сырья (сектор АПК, металлургия, химическая промышленность). Мировой опыт показывает, что такие цепочки, как правило, организованы по региональному, а не глобальному принципу. Отсюда наиболее реалистичный сценарий для их трансформации — нарастание регионализации. Точками роста для них является повышение рыночной сегментации.

2. Мы видим перспективы роста региональных цепочек создания стоимости России и стран Балтии также и в тех отраслях, для которых, как правило, характерна глобальная организация. Это прежде всего отрасли энергетического и электрического машиностроения и производства оборудования. Взаимно выигрышной стратегией могло бы стать наращивание добавленной стоимости в производстве посредством промышленной кооперации и, таким образом, перетягивание элементов глобальных цепочек в регион Балтийского моря.

3. Несмотря на относительные успехи репозиционирования стран Балтии в ГЦСС [5, с. 32—33; 9, р. 5—9; 10, р. 9—10] и отсутствие позитивных сдвигов для России [8, с. 6—8; 26, с. 73—74], для указанных стран характерны в целом схожие проблемы участия в цепочках, среди них — существенное отставание основного слоя компаний от технологического уровня компаний-лидеров, невысокая доля фирм, работающих на внешних рынках, вызовы наращивания производительности труда. Повышение рисков работы на дальних рынках может заставить фирмы России и стран Балтии пересмотреть географические приоритеты.

4. Регионализация цепочек создания стоимости России и стран Балтии может происходить под влиянием инициатив бизнеса без критических сдвигов во внешнеэкономических отношениях. Это, в частности, следует из опыта развития цепочек России и стран Балтии в предыдущие два десятилетия. Кроме того, очевидно, что любые сдвиги в межрегиональном сотрудничестве России и стран Балтии возможны только со значимым лагом во времени, в то время как решения бизнеса могут быть намного оперативнее.

5. Устойчивый рост взаимной торговли услугами для населения между Россией и странами Балтии демонстрирует сохранение интереса населения к соседним территориям, что объясняется привлекательностью и востребованностью услуг на

приграничных территориях, в том числе в сфере культуры, образования, туризма, недвижимости, не только со стороны национальных диаспор, но и со стороны титульных этносов соответствующих территорий. Рост глобальной неопределенности при сохранении привлекательности услуг на приграничных территориях может способствовать усилению взаимных интересов сотрудничества в сфере услуг России и стран Балтии.

Представляется, что если на национальном уровне обсуждение расширения внешнеэкономического сотрудничества России и стран Балтии может сдерживаться сложностью межгосударственных политических и экономических отношений, то имеющиеся данные и дискуссия в экспертной и академической литературе позволяют определить высокий потенциал развития приграничного сотрудничества двух территорий.

Хотя в 2012—2019 годах не происходило увеличения значимости стран Балтии как рынка для российского экспорта в целом, это наблюдалось для отдельных приграничных территорий, в частности Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей. Примечательно, что вслед за введением взаимных санкций в результате украинского конфликта в 2014 году выросла доля стран Балтии в экспорте указанных регионов: для Ленинградской области — с 2,9 до 10,0%, для Калининградской области — с 3,5 до 6,0% (рис. 6).

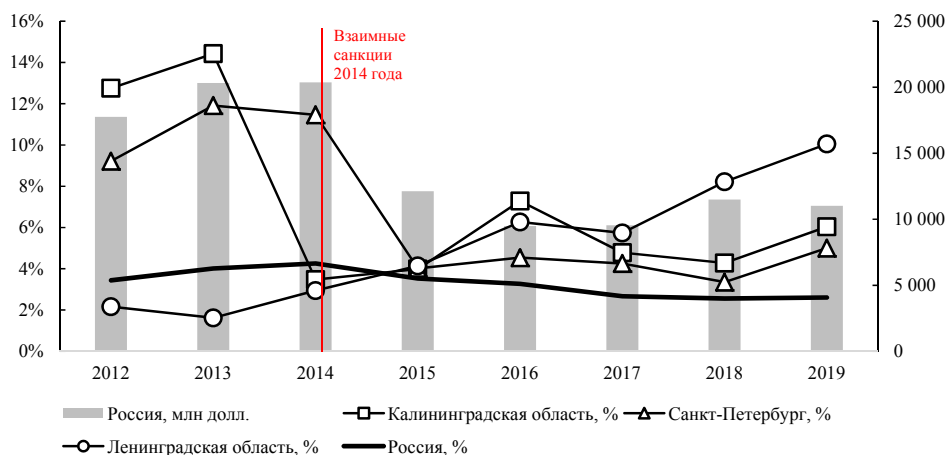

Рис. 6. Доля стран Балтии в валовом экспорте России и ее отдельных регионов: левая ось — % от валового экспорта; правая ось — млн долл., 2012—2019 годы

Источник: расчеты авторов, данные Федеральной таможенной службы РФ.

Высокая значимость регионального уровня взаимодействия в регионе Балтийского моря определяется, в частности, особым типом территориальной общности, который возник в результате окончания холодной войны, — трансграничным макрорегионом, появление которого показывает, что региональное сотрудничество выходит на новый уровень [31, с. 129]. Как следствие, многие приграничные проекты начинаются на основе взаимодействия региональных и местных властей [32, с. 349—350]. При этом важно, что сами приоритетные проекты складывались не только на принципах обмена и находились не только в области экономики, но и в научно-технологической сфере [11, с. 88—89; 32, с. 352]. Это в особенности значимо в контексте обсуждения перспектив расширения региональных цепочек создания стоимости России и стран Балтии, поскольку промышленная кооперация в таких цепочках в целях наращивания вклада добавленной стоимости включает

не только соглашения о промышленной кооперации и субконтрактации, но также и кооперационные схемы в научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности на начальных этапах цепочек.

Представляется, что расширение экономического сотрудничества России и стран Балтии в новых условиях во многом будет поддерживаться дальнейшим качественным увеличением непромышленных форматов кооперации. Как отмечается, в условиях сложных отношений России и стран Балтии политическая конфронтация, зачастую демонстративная, истощает возможности официальной дипломатии [33, с. 113—114]. Отсюда использование «мягкой силы» может стать действенным инструментом развития отношений, включая такие форматы, как гуманитарные фонды, сотрудничество в области науки, образования, культуры, здравоохранения, экологии [32, с. 354; 33, с. 113—114; 34, с. 110]. К настоящему моменту, по нашему мнению, потенциал «мягкой силы» использован незначительно. На уровне отдельных организаций можно отметить только единичные случаи выделения стран Балтии в качестве географических приоритетов стратегического развития. Так, например, на уровне ведущих университетов России к таким центрам можно отнести Балтийский федеральный университет им. Канта, который определяет свое стратегическое развитие через призму нахождения на особой территории, граничащей со странами Балтийского региона. Однако сложно найти схожие примеры среди вузов Санкт-Петербурга, обладающих сильным инновационным, научно-исследовательским, образовательным и культурным потенциалом. Кроме того, именно в сфере решения социальных вызовов (во многом усиленных следствиями пандемии COVID-19) — в области экологии, образования, здравоохранения и медицины — в большей степени требуется международная кооперация, что может создать новое качество сотрудничества России и стран Балтии.

Перспективы расширения экономического взаимодействия и использование потенциала «мягкой силы» между Россией и странами Балтии в контексте регионализации цепочек создания стоимости требуют обсуждения следствий для экономической политики. Представляется, что перспективы регионализации цепочек могут сформировать новый виток нарастания интереса к сотрудничеству с обеих сторон и, следовательно, обеспечат пересмотр или, скорее, расширение инструментария экономической политики всех вовлеченных сторон.

Следствия для экономической политики

Исследование внешнеэкономических отношений России и стран Балтии за последние десятилетия позволяет свидетельствовать о высоком уровне устойчивости связей и слабой реакции на экономические и геополитические шоки. Страны Балтии как составная часть Советского Союза были хорошо интегрированы в систему внешнеэкономических связей СССР. Наличие развитой инфраструктуры, включая жесткую — автомобильные и железные дороги, порты, а также мягкую — бизнес-сообщества, межфирменные связи, национальные диаспоры, во многом определило сохранение взаимоотношений на разных этапах России и стран Балтии, которые в современный период можно охарактеризовать в целом как напряженные. В частности, в 2000—2019 годах наблюдалось последовательное расширение взаимной торговли внутри глобальных цепочек создания стоимости, что в значительной мере было обусловлено деятельностью многонациональных компаний.

Пандемия COVID-19 спровоцировала усиление вызовов, которые накапливались для глобального производства, и привела к временному разрыву цепочек создания стоимости. Влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику оказалось существенно сильнее, чем у предыдущих кризисов, в том числе мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов [35]. Вместе с временным эффектом разрыва цепочек следует ожидать и долгосрочный, связанный с перестройкой моделей глобального производства и международного сотрудничества.

Новые вызовы для глобального производства могут стать фактором структурной трансформации экономических взаимоотношений России и стран Балтии. Из возможных сценариев восстановления и изменений в глобальных цепочках создания стоимости вероятным видится сценарий регионализации цепочек России и стран Балтии, включая как выстраивание собственных цепочек на региональном уровне в традиционных для региона отраслях (сектор АПК, металлургия машиностроение, химическая промышленность), так и перемещение многонациональными компаниями имеющихся мощностей в домашний регион (включая отрасли автомобилестроения, химической промышленности, глубокой деревообработки).

Нам видится расширение перспектив регионализации также и в рамках неэкономического сотрудничества для решения глобальных вызовов, спровоцированных пандемией COVID-19, в том числе в сфере образования, экологии, здравоохранения и медицины. Такое сотрудничество, по нашему мнению, может стать инструментом «мягкой силы» и способствовать развитию экономических взаимосвязей.

С учетом опыта внешнеэкономических взаимодействий России и стран Балтии и сохраняющихся сложностей в отношениях на межгосударственном уровне, представляется, что новые вызовы трансформации цепочек позволяют сформулировать следствия для государственной политики, направленной на трансформацию структуры российской экономики и репозиционирование в глобальном производстве.

1. На уровне отдельных российских регионов Северо-Запада целесообразно рассмотреть осуществление политики, направленной на развитие производственного потенциала, сопровождение взаимных прямых инвестиций, выстраивание региональных цепочек создания стоимости со странами Балтии. К настоящему моменту можно утверждать, что только в Калининградской области отмечается расширение приграничных связей в качестве приоритета своего социально-экономического развития. Считаем, что эту практику можно также перенести на другие территории Северо-Запада.

2. Поскольку горизонты реального снятия режима взаимных санкций России и ЕС по-прежнему не определены, особенно важным для регионализации глобальных цепочек создания стоимости представляется развитие сотрудничества в отраслях, не подпадающих под этот режим. Речь идет прежде всего о промышленной кооперации в области научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, а также о предоставлении услуг, требующих труда высокой квалификации. Для этих целей целесообразно рассмотреть возможность развития сетей международного сотрудничества в области промышленных знаний и технологий, в том числе на базе ведущих университетов стран Балтии и приграничных регионов России.

3. Представляется, что роль «мягкой силы» в налаживании экономического сотрудничества России и стран Балтии в новых условиях существенно выше, чем ранее. При этом в качестве направлений ее совершенствования видится расширение взаимодействия с бизнесом, с национальными диаспорами, а также повышение роли социально-ориентированных некоммерческих организаций. Прежде всего необходима проработка инструментов формирования и укрепления трансграничных связей бизнес-сообществ, включая консолидацию связей национальных предпринимателей с представителями национальных диаспор за рубежом, привлечение бизнеса к реализации социальных функций и поддержку социальных проектов, совместных инициатив представителей диаспор. С точки зрения инструментария на региональном уровне важна разработка региональных программ поддержки инициатив малого и среднего бизнеса по выходу на рынки стран Балтии, а также инициатив социально-ориентированного бизнеса в области образования, культуры, искусства в целях расширения кооперации России и стран Балтии.

4. Необходимо обеспечить рост числа взаимных точек входа России и стран Балтии в целях расширения сотрудничества. Прежде всего, применительно к России, требуется распространение практики Калининградской области как региона,

стратегически ориентированного на сотрудничество со странами Балтии, на другие регионы Северо-Запада России. Важным представляется закрепление на уровне стратегических приоритетов расширения взаимодействия со странами Балтии для субъектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства на приграничных территориях, для крупных научно-образовательных центров, а также центров культуры. Это задаст рамку для проработки конкретных программ взаимодействия, например, запуск международных конкурсов стартапов и инновационного предпринимательства со странами Балтии, совместных проектов развития в области образовательных, медицинских, туристических услуг, формирование ответствующих кластеров на приграничных территориях.

5. Потенциал развития сотрудничества России со странами Балтии и одновременно накопленные успехи отдельных регионов в приграничном сотрудничестве определяют возможность обрабатывания отдельных элементов экономического взаимодействия регионов Северо-Запада со странами Балтии с последующим использованием на других приграничных российских территориях. Речь идет не только о проработке новых форматов приграничного сотрудничества, но и их распространении на другие российские территории.

Список литературы

1. Baldwin R., Freeman R. Supply chain contagion waves: Thinking ahead on manufacturing 'contagion and reinfection' from the Covid concussion // VoxEU.org. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves> (дата обращения: 05.08.2020).
2. Miroudot S. Resilience versus robustness in global value chains: Some policy implications. Covid-19 and trade policy: Why turning inward won't work // VoxEU.org. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/resilience-versus-robustness-global-value-chains> (дата обращения: 05.08.2020).
3. Pisch F. Just-in-time supply chains after the Covid-19 crisis // VoxEU.org. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/just-time-supply-chains-after-covid-19-crisis> (дата обращения: 05.08.2020).
4. Imbs J., Pauwels L. A new measure of openness // VoxEU.org. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/new-measure-openness> (дата обращения: 05.08.2020).
5. Banh H., Wingender P., Gueye C. Global Value Chains and Productivity: Micro Evidence from Estonia // IMF.org. 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/07/03/Global-Value-Chains-and-Productivity-Micro-Evidence-from-Estonia-49376> (дата обращения: 05.08.2020).
6. Hagemeyer J. Trade and growth in the new member states: The role of global value chains // Emerging Markets Finance and Trade. 2018. Vol. 54, iss. 11. P. 2630—2649. doi: 10.1080/1540496X.2017.1369878.
7. Cieslik E. Post-communist European countries in global value chains // Ekonomika. 2014. Vol. 93, iss. 3. P. 25—38. doi: 10.15388/Ekon.2014.0.3886.
8. Симачев Ю.В., Данильцев А.В., Федюнина А.А. и др. Россия в меняющихся условиях мировой торговли: структурный взгляд на новое позиционирование // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 5—29.
9. Ali-Yrkkö J., Mattila J., Seppälä T. Estonia in Global Value Chains // ETLA Reports. 2017. No. 69. URL: <https://pub.etla.fi/ETLA-Raportit-Reports-69.pdf> (дата обращения: 05.08.2020).
10. Yashiro N., De Backer K., Hutfilter A. et al. Moving up the global value chain in Latvia. P., 2017. doi: 10.1787/3a486c5e-en.
11. Клемишев А.П., Федоров Г.М., Зверев Ю.М. О потенциале и возможностях сотрудничества Российской Федерации со странами Балтии в инновационной сфере // Балтийский регион. 2011. № 3. С. 88—96.
12. Veebel V., Markus R. The bust, the boom and the sanctions in trade relations with Russia // Journal of International Studies. 2008. Vol. 11, iss. 1. P. 9—20. doi:10.14254/2071-8330.2018/11-1/1.
13. Федоров Г.М. Российская Федерация в Балтийском регионе: политические отношения и экономическое развитие в 1992—2017 гг. // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 30—41. doi: 10.17976/jpps/2018.03.03.
14. Djankov S., Freund C. Trade flows in the former Soviet Union, 1987 to 1996 // Journal of Comparative Economics. 2002. Vol. 30, iss. 1. P. 76—90. doi: 10.1006/jcec.2001.1752.

15. Frankel J., Stein E., Wei S. Regional Trading Blocs in the World Economic System. Washington DC, 1997.
16. Eichengreen B., Irwin D. The Role of History in Bilateral Trade Flows. Cambridge, MA, 1996. doi: 10.3386/w5565
17. Frankel J., Stein E., Wei S. Trading Blocs and the Americas: The Natural, the Unnatural, and the Super-natural // Journal of Development Economics. 1995. Vol. 47, iss. 1. P. 61—95. doi: 10.1016/0304—3878 (95) 00005—4.
18. Freund C. Different Paths to Free Trade: The Gains from Regionalism // The Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115, iss. 4. P. 1317—1341. URL: www.jstor.org/stable/2586926 (дата обращения: 06.08.2020).
19. Berg E., Ehin P. Identity and foreign policy: Baltic-Russian relations and European integration. Routledge, 2016.
20. Fedorov G., Korneevets V., Tarasov I., Chasovskiy V. Russia among the Countries of the Baltic Region // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Vol. 6, iss. 4. P. 1502—1506.
21. Bělin M., Hanousek J. Which sanctions matter? Analysis of the EU/Russian sanctions of 2014 // Journal of Comparative Economics. 2020. doi: 10.1016/j.jce.2020.07.001.
22. Dreger C., Kholodilin K., Ulbricht D., Fidrmuc J. Between the hammer and the anvil: The impact of economic sanctions and oil prices on Russia's ruble // Journal of Comparative Economics. 2016. Vol. 44, iss. 2. P. 295—308. doi: 10.1016/j.jce.2015.12.010.
23. Yeliseyeu A. Belarusian shrimps anyone? How EU food products make their way to Russia through Belarus. Think Visegrad — V4 Think Tank Platform, 2017. URL: https://www.globsec.org/wp-content/uploads/2017/11/Think-Visegrad-Analysis-by-Andrei-Yeliseyeu_Belarusian-shrimps-anyone-GLOBSEC-2017.pdf (дата обращения: 05.08.2020).
24. Miroudot S. The servicification of global value chains: Evidence and policy implications. UNCTAD Multi-Year Expert Meeting On Trade, Services and Development. Geneva, 2017. URL: https://unctad.org/meetings/en/Presentation/c1mem5_2017_124_S3_Miroudot_2.pdf (дата обращения: 05.08.2020).
25. Broadman H. From disintegration to reintegration: Eastern Europe and the former Soviet Union in international trade. Europe and Central Asia reports Washington, D.C.: World Bank Group, 2006. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/713901468252863858/From-disintegration-to-reintegration-Eastern-Europe-and-the-former-Soviet-Union-in-international-trade> (дата обращения: 05.08.2020).
26. Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. и др. Россия в глобальном производстве // В кн.: XXI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М., 2020. С. 1—147.
27. Sineviciene L., Krusinskas R. How Dependent Are the Baltic States on Russia? // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70, iss. 8. P. 1264—1280. doi: 10.1080/09668136.2018.1508643
28. Zvaigzne A. EU sanctions against Russia renewed: pros and cons for business and Baltics economy // The Baltic Course, 2015. URL: <http://www.baltic-course.com/eng/analytics/?doc=114794> (дата обращения: 05.08.2020).
29. Ratso S. EU-Russia Trade Relations in Light of Sanctions and Russia's Import Measures // Diplomaatia, 2015. URL: <http://www.diplomaatia.ee/en/article/eu-russian-trade-relations-in-light-of-sanctionsand-russias-import-measures/> (дата обращения: 06.08.2020).
30. Морозенкова О.В. Перспективы развития Российского экспорта несырьевых неэнергетических товаров на новых рынках // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 9. С. 44—60.
31. Ефременко И.Н., Карая Ю.В. Развитие интеграционных процессов стран Балтийского региона // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2013. № 1—2. С. 126—132.
32. Ходачек А.М. Трансграничное сотрудничество макрорегиона Северо-Запад. СПб., 2010.
33. Жилина Л.Н. Российская диаспора в странах Балтии и ее роль во внешней политике России // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2. С. 130—116.
34. Воротников В.В., Иванова Н.А. «Мягкая сила» России в странах Прибалтики в исследовательском фокусе: традиции, противостояние, конкуренция // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 107—124. doi: 10.5922/2079-8555-2019-36.
35. Baldwin R. The Greater Trade Collapse of 2020: Learnings from the 2008—09 Great Trade Collapse // VoxEU.org. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/greater-trade-collapse-2020> (дата обращения: 05.08.2020).

Об авторах

Юрий Вячеславович Симачев, кандидат технических наук, профессор, директор Центра исследований структурной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: yusimachev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3015-3668>

Анна Андреевна Федюнина, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований структурной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: afedyunina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2405-8106>

Юлия Вадимовна Аверьянова, стажер-исследователь Международной лаборатории экономики нематериальных активов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия.

E-mail: javeryanova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5574-3536>

TRANSFORMATION OF GLOBAL VALUE CHAINS IN RUSSIA AND THE BALTICS AMID COVID-19: PROSPECTS FOR REGIONALIZATION AND IMPLICATIONS FOR ECONOMIC POLICY

Y. V. Simachev¹

A. A. Fedyunina¹

Y. V. Averyanova²

¹ Higher School of Economics National research university
11 Pokrovsky boulevard, Moscow, 101000, Russia

² Higher School of Economics national research university in St Petersburg
3 Kantemirovskaya St, St Petersburg, 194100, Russia

Received 12 August 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-7

© Simachev, Y. V., Fedyunina, A. A.,
Averyanova, Y. V., 2020

Although Russia and the Baltics have historically been economic partners, the economic relations between them are tense today. Nearly stagnating bilateral trade contributes little to the development of either side. The Baltics-Russian bilateral trade conducted within global value chains (GVC) and operations of multinational companies is much more resistant to geopolitical and economic shocks than traditional international trade. In particular, the accession of Estonia, Latvia, and Lithuania to the EU and NATO in 2004 and the introduction of reciprocal EU-Russia sanctions in 2014 did not curb GVC activities between Russia

and the Baltics. The article discusses factors in the transformation of the Baltics-Russian GVCs amid COVID-19. The research aims to prove regionalisation as a viable prospect for the transformation of global value chains in Russia and the Baltics. In the medium term, regionalisation is possible as (1) part of global trends towards GVC transformation in the industries in which Russia and the Baltics traditionally specialise; (2) as a response to the long-term structural challenges faced by Russia and the Baltics in creating a new generation of internationally competitive firms; (3) as a result of companies tackling the effects of the pandemic against the background of historically stable relationships; (4) as a product of strong social contacts and soft power. GVC regionalisation will be driven by individual companies, regional (local) governments, and Russian-Baltic cross-border cooperation initiatives. Finally, repercussions for Russian and Baltic politics are discussed alongside GVC regionalisation benefits for all the parties involved.

Keywords:

global value chains, Baltic countries, Russia, COVID-19 pandemic

References

1. Baldwin, R., Freeman, R. 2020, Supply chain contagion waves: Thinking ahead on manufacturing 'contagion and reinfection' from the Covid concussion, *VoxEU.org*, available at: <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves> (accessed 8 August 2020).
2. Miroudot, S. 2020, Resilience versus robustness in global value chains: Some policy implications. Covid-19 and trade policy: Why turning inward won't work, *VoxEU.org*, available at: <https://voxeu.org/article/resilience-versus-robustness-global-value-chains> (accessed 8 August 2020).
3. Pisch, F. 2020, Just-in-time supply chains after the Covid-19 crisis, *VoxEU.org*, available at: <https://voxeu.org/article/just-time-supply-chains-after-covid-19-crisis> (accessed 8 August 2020).
4. Imbs, J., Pauwels, L. 2020, A new measure of openness, *VoxEU.org*, available at: <https://voxeu.org/article/new-measure-openness> (accessed 5 August 2020).
5. Banh, H., Wingender, P., Gueye, C. 2020, Global Value Chains and Productivity: Micro Evidence from Estonia, *IMF.org*, available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/07/03/Global-Value-Chains-and-Productivity-Micro-Evidence-from-Estonia-49376> (accessed 5 August 2020).
6. Hagemeyer, J. 2018, Trade and growth in the new member states: The role of global value chains, *Emerging Markets Finance and Trade*, vol.54, no. 11, p. 2630—2649. doi: <https://doi.org/10.1080/1540496X.2017.1369878>.
7. Cieslik, E. 2014, Post-communist European countries in global value chains, *Ekonomika*, vol. 93, no. 3, p. 25—38. doi: <https://doi.org/10.15388/Ekon.2014.0.3886>.
8. Simachev, Y.V., Daniltsev, A.V., Fedyunina, A.A., Glazatova, M.K., Zyzyk, M.G., Zudin, N.N. 2019, Russia in the changing conditions of world trade: A structural view at the new positioning, *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], no. 8, p. 5—29 (In Russ.).
9. Ali-Yrkkö, J., Mattila, J., Seppälä, T. 2017, Estonia in Global Value Chains, *ETLA Reports*, no. 69, available at: <https://pub.etla.fi/ETLA-Raportit-Reports-69.pdf> (accessed 8 August 2020).
10. Yashiro, N., De Backer, K., Hutfilter, A., Kools, M., Smidova, Z. 2017, *Moving up the global value chain in Latvia*, OECD Publishing, Paris, 2017. doi: <https://doi.org/10.1787/3a486c5e-en>.
11. Klemeshev, A., Fedorov, G., Zverev, Yu. 2011, On the potential and opportunities for cooperation between the Baltics in the field of innovations, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 76—84. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2011-3-9>.
12. Veebel, V., Markus, R. 2008, The bust, the boom and the sanctions in trade relations with Russia, *Journal of International Studies*, vol. 11, no. 1, p. 9—20. doi: <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2018/11-1/1>
13. Fedorov, G.M. 2018, Russian Federation in the Baltic Region: Political Relations and Economic Development in 1992—2017, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], no. 3, p. 30—41. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.03> (In Russ.).
14. Djankov, S., Freund, C. 2020, Trade flows in the former Soviet Union, 1987 to 1996, *Journal of Comparative Economics*, vol. 30, no. 1, p. 76—90. doi: <https://doi.org/10.1006/jcec.2001.1752>
15. Frankel, J., Stein, E., Wei, S. 1997, *Regional Trading Blocs in the World Economic System*, Washington DC, Institute for International Economics.

16. Eichengreen, B., Irwin, D. 1996, *The Role of History in Bilateral Trade Flows*, Cambridge, MA: NBER, doi: <https://doi.org/10.3386/w5565>.
17. Frankel, J., Stein, E., Wei, S. 1995, Trading Blocs and the Americas: The Natural, the Un-natural, and the Super-natural, *Journal of Development Economics*, vol. 47, no. 1, p. 61—95. doi: [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(95\)00005-4](https://doi.org/10.1016/0304-3878(95)00005-4).
18. Freund, C. 2000, Different Paths to Free Trade: The Gains from Regionalism, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, no. 4, p. 1317—1341, available at: www.jstor.org/stable/2586926 (accessed 6 August 2020).
19. Berg E., Ehin P. 2016, *Identity and foreign policy: Baltic-Russian relations and European integration*, Routledge, 2016.
20. Fedorov, G., Korneevets, V., Tarasov, I., Chasovskiy, V. 2016, Russia among the Countries of the Baltic Region, *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 6, no. 4, p. 1502—1506.
21. Bělín, M., Hanousek, J. 2020, Which sanctions matter? Analysis of the EU/Russian sanctions of 2014, *Journal of Comparative Economics*. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2020.07.001>.
22. Dreger, C., Kholodilin, K., Ulbricht, D., Fidrmuc, J. 2016, Between the hammer and the anvil: The impact of economic sanctions and oil prices on Russia's ruble, *Journal of Comparative Economics*, vol. 44, no. 2, p. 295—308. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2015.12.010>.
23. Yeliseyev, A. 2017, Belarusian shrimps anyone? How EU food products make their way to Russia through Belarus, *Think Visegrad — V4 Think Tank Platform*, available at: https://www.globsec.org/wp-content/uploads/2017/11/Think-Visegrad-Analysis-by-Andrei-Yeliseyev_Belarusian-shrimps-anyone-GLOBSEC-2017.pdf (accessed 5 August 2020).
24. Miroudot, S. 2017, The servicification of global value chains: Evidence and policy implications, *UNCTAD Multi-Year Expert Meeting On Trade, Services and Development*, available at: https://unctad.org/meetings/en/Presentation/c1mem5_2017_124_S3_Miroudot_2.pdf (accessed 5 August 2020).
25. Broadman, H. 2006, *From disintegration to reintegration: Eastern Europe and the former Soviet Union in international trade, Europe and Central Asia reports*, Washington, D.C., World Bank Group, available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/713901468252863858/From-disintegration-to-reintegration-Eastern-Europe-and-the-former-Soviet-Union-in-international-trade> (accessed 5 August 2020).
26. Simachev, Y.V., Fedyunina, A.A., Kuzyk, M.G., Daniltsev, A.V., Glazatova, M.K., Averyanova, Y.V. 2020, Rossiya v global'nom proizvodstve [Russia in Global Production]. In: *XXI April International Scientific Conference on the Development of Economy and Society*, HSE Publishing House, p. 1—147 (In Russ.).
27. Sineviciene, L., Krusinskas, R. 2018, How Dependent Are the Baltic States on Russia? *Europe-Asia Studies*, vol. 70, no. 8, p. 1264—1280. doi: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1508643>.
28. Zvaigzene, A. 2015, EU sanctions against Russia renewed: pros and cons for business and Baltics economy, *The Baltic Course*, available at: <http://www.baltic-course.com/eng/analyt-ics/?doc=114794> (accessed 5 August 2020).
29. Ratso, S. 2015, EU-Russia Trade Relations in Light of Sanctions and Russia's Import Measures, *Diplomaatia*, available at: <http://www.diplomaatia.ee/en/article/eu-russian-trade-relations-in-light-of-sanctionsand-russias-import-measures/> (accessed 6 August 2020).
30. Morozenkova, O.V. 2019, Prospects for the development of Russian exports of non-primary non-energy products in new markets, *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], no. 9, p. 44—60 (In Russ.).
31. Efremenko, I.N., Karaya, Y.V. 2013, Development of integration processes in the Baltic region countries, *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)* [Bulletin of the Rostov State University of Economics], no. 1—2, p. 126—132 (In Russ.).
32. Khodachek, A.M. 2010, *Transgranichnoe sotrudnichestvo makroregiona Severo-Zapad* [Cross-border cooperation of the North-West microregion], HSE Saint Petersburg Publishing House (In Russ.).
33. Zhilina, L.N. 2018, Russian Diaspora in the Baltic States and its Role in Russian Foreign Policy, *Vestnik diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the world], no. 2, p. 130—116 (In Russ.).

34. Vorotnikov, V.V. Ivanova, N.A. Russian soft power in the Baltic States through the lens of research: traditions, competition, confrontation, *Balt. Reg.*, vol. 11, no. 3, p. 107—124. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-6>.

35. Baldwin, R. 2020, The Greater Trade Collapse of 2020: Learnings from the 2008—09 Great Trade Collapse, *VoxEU.org*, available at: <https://voxeu.org/article/greater-trade-collapse-2020> (accessed 5 August 2020).

The authors

Dr Yuri V. Simachev, Director, Centre for Structural Policy Studies, Higher School of Economics national research university, Russia

E-mail: yusimachev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3015-3668>

Dr Anna A. Fedyunina, Leading Research Fellow, Centre for Structural Policy Studies, Higher School of Economics national research university, Russia

E-mail: afedyunina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2405-8106>

Yuliya V. Averyanova, Intern Researcher, International Laboratory for Intangible-driven Economy, Higher School of Economics national research university in St Petersburg, Russia

E-mail: javeryanova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5574-3536>
